

УДК 32:008

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Особенности прочтения «старых вопросов» в контексте современных цифровых трансформаций

Сергей Владимирович ВОЛОДЕНКОВ

доктор политических наук, профессор кафедры государственной
политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

ЦИТИРОВАНИЕ: Володенков С.В. Особенности прочтения «старых вопросов» в контексте современных цифровых трансформаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 27–43.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Статья поступила в редакцию 04.10.2024.

Исправленный текст представлен 11.11.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей работы стало определение принципиально новых в содержательном смысле ответов на традиционные вопросы, стоящие перед учеными на протяжении многих веков, в условиях современных цифровых трансформаций. Исследовательским вопросом стало изучение принципиальных возможностей нового прочтения «старых» вопросов в изменившемся мире. В работе рассматриваются закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби, концепции Паноптикума И. Бенгама и М. Фуко, «пещеры Платона» с позиций их актуальности и применимости к современным условиям функционирования государства и общества на новом технологическом этапе

цифрового развития. В работе показывается, что цифровые технологические трансформации не формируют принципиально новых содержательных объяснений происходящим в ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества процессам, а актуальность существующих классических теорий, концепций, законов функционирования государственных систем управления, а также фундаментальных принципов взаимодействий между государством и обществом остается по-прежнему высокой. Традиционные представления о массовом сознании, его роли в формировании моделей поведения, информационно-коммуникационной основе формирования картин мира и массовых

представлений о реальности также не претерпевают каких-либо принципиальных изменений в условиях цифровизации и хорошо согласуются с имеющимися традиционными концепциями и подходами. По итогам исследования делается вывод о том, что содержательные аспекты цифровых решений на «старые» вопросы во многом сходны с уже имеющимися традиционными ответами и решениями, которые и сегодня сохраняют высокий объяснительный потенциал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровые технологические трансформации, система управления, закон необходимого разнообразия, цифровой Паноптикум, «пещеры Платона», массовое сознание.*

Введение

В современном академическом дискурсе уже долгие годы преобладает позиция, в соответствии с которой актуальные цифровые технологические трансформации не только оказывают существенное влияние на функционирование ключевых сфер жизнедеятельности государства и общества, но и порождают новые подходы к пониманию сути информационно-коммуникационной деятельности в процессах влияния на массовое сознание и информационно-коммуникационного взаимодействия институтов власти, политических акторов, представителей гражданского общества друг с другом, а также процессов общественно-политического управления в целом.

Однако, на наш взгляд, подобное позиционирование современных цифровых технологий является весьма преждевременным и во многом неоправданным. Мы считаем, что цифровые технологические трансформации, безусловно, существенным образом расширили инструментальный потен-

циал процессов общественно-политического управления, информационно-коммуникационного влияния и взаимодействия в общественно-политической сфере, однако сущностное содержание данных процессов осталось прежним.

Более того, в настоящее время активно осуществляется лишь присвоение современных цифровых технологий правящим классом для достижения своих традиционных целей и реализации своих традиционных интересов в рамках классической в содержательном смысле деятельности в сфере общественно-политического управления [Государственная политика..., 2024].

В связи с этим нам представляется необходимым поднять вопрос о реальном значении технологической эволюции человечества и рассмотреть в рамках инициируемой нами дискуссии реальный потенциал цифровых технологий в аспекте их влияния на актуальные преобразования в указанных нами сферах общественно-политической жизни современных государств и обществ. Именно решению данной задачи посвящена настоящая работа, а исследовательским вопросом, в свою очередь, для нас стало изучение принципиальных возможностей нового прочтения «старых» вопросов в изменившемся мире.

«Старые» вопросы и цифровые технологические трансформации

В рамках данного раздела мы предпримем попытку рассмотрения существующих на протяжении длительного времени «старых» вопросов в контексте тех технологических изменений в цифровой сфере, которыми характеризуется актуальное развитие человеческой цивилизации. К таким

вопросам в настоящей работе мы относим следующие:

1. Каким образом человек формирует свои представления об окружающей его реальности, свои картины мира?

2. Какую роль играет информация в жизнедеятельности людей?

3. На каких принципах основывается управление в дихотомии «государство – общество»?

В первую очередь нас будут интересовать классические законы, модели, подходы и концепции, изучение которых на предмет их содержательных трансформаций необходимо для достижения поставленной в работе цели.

Закон необходимого разнообразия Эшби

Нам представляется возможным начать настоящий раздел с рассмотрения известного кибернетического закона У.Р. Эшби о необходимом разнообразии систем [Ashby, 1956], в соответствии с которым для успешного осуществления управления (в том числе и общественно-политического) сложность и разнообразие управляющей системы должны быть не ниже (а желательно выше) сложности и разнообразия управляемых систем, выступающих объектом управления. На протяжении многих веков, еще до того, как сам закон был сформулирован, раскрытый в нем принцип активно использовался в большинстве управляющих систем – от религиозных до государственных. Каждая из управляющих систем пыталась выстроить баланс разнообразий и сложностей в свою пользу. Для реализации такой задачи всегда существовали лишь две принципиальные возможности: либо увеличение собственных сложности и разнообразия, либо ограничение разнообразия и сложности объектов управления. Причем вторая

возможность, как показывает анализ практики, оказывается предпочтительней в силу ее более низкой затратности во временном, материальном, организационном и иных аспектах. В качестве одного из исторических примеров мы можем привести Никейский Собор 325 г., в рамках которого была предпринята вполне эффективная попытка снижения разнообразия и сложности сформировавшегося на тот момент христианского учения, которое представляло из себя совокупность весьма разнообразных течений и ответвлений, трактовок, подкрепленных достаточно широким спектром отличавшихся друг от друга религиозных практик, текстовых источников, символов и т. д. Очевидно, что в подобной ситуации Церковь как управляющая система, стремящаяся к доминированию и претендующая на осуществление управления христианами в широких масштабах, испытывала потребность в перебалансировке сложности и разнообразия от управляемой системы в свою пользу. В результате, как мы знаем, был принят единый (универсальный) Символ веры (универсализм мы рассматриваем в качестве крайней степени снижения разнообразия, доведенного до единственно возможного варианта), определены 4 классических евангельских текста, сформулированы единые церковные каноны, а также определен единый день празднования Пасхи. Все же остальные учения (например, гностическое христианство, арианство), выходявшие за установленные рамки, были объявлены ересью, а религиозные тексты – апокрифическими. Таким образом, разнообразие христианства было существенным образом снижено, а возможности Церкви как управляющей системы значительно повысились. В дальнейшем любые попытки внесения разнообразия в управляемую систему, как правило,

сопровождались достаточно жестоким их подавлением (Варфоломеевская ночь как пример подавления католиками протестантов-кальвинистов (гугенотов), сжигание на кострах инакомыслящих, появление Святой инквизиции как института борьбы с ересью (то есть с попытками увеличения религиозного разнообразия и т. д.)). По мере становления государств и их выхода из-под контроля Церкви в качестве самостоятельных систем управления деятельность по балансировке разнообразия и сложности между государствами и контролируемыми ими обществами продолжилась, но главным актором стало уже государство. Нам представляется непринципиальным, является ли государство демократическим, тоталитарным, авторитарным или каким-либо иным. Важно то, что любое государство как управляющая система всегда стремится к подавлению разнообразия управляемой системы (общества). Это является, по нашему мнению, имманентной характеристикой любой государственной системы управления, стремящейся к снижению разнообразия и сложности объекта управления, как минимум, и установлению единообразия в управляемой системе, как максимум. Например, в своей работе «Империя» Хардт и Негри пишут о глобальном коммуникационном пространстве как о разновидности «капиталистического производства, где капитал добивается полного подчинения общества своему режиму, в глобальном масштабе, уничтожая все альтернативные пути развития» [Хардт, Негри, 2004, с. 322].

Изменилась ли данная ситуация в условиях современных цифровых технологических трансформаций, которые были встречены многими учеными и экспертами весьма оптимистично? Появились ли действительно дееспособные и эффективные новые модели демо-

кратии (демократия прямого действия, мониторинговая демократия и др.), прогнозы о появлении которых содержались в значительном количестве научных работ, в реальной практике? Нам представляется, что ситуация осталась прежней, и базовые принципы управления, базирующиеся на законе Эшби, остались неизменными. После стремительной эволюции интернет-пространства, превратившегося в общественно-политическую коммуникационную арену, возможности обмена информацией и информационно-коммуникационного взаимодействия, влияния на власть и государственные институты для граждан (как представителей управляемой общественной системы), несомненно, увеличились, что привело и к увеличению разнообразия и сложности управляемой общественной системы. В связи с этим на протяжении нулевых годов XXI в. сформировались и соответствующие надежды на трансформацию традиционной системы дихотомических отношений «государство – общество» и принципов взаимодействия государства и общества в ее рамках, а также появились ожидания преобразований традиционных политических систем и режимов. Однако уже в 2010-е годы практически во всем мире сформировался устойчивый тренд на снижение степени сложности и разнообразия общества, активно использовавшего «цифровые блага» в общественно-политической сфере. Государства «почувствовали» перебалансировку разнообразия и сложности не в свою пользу (что вполне объяснимо: в то время, как люди всё более активно коммуницировали в цифровом пространстве, используя новейшие цифровые технологии, многие государства еще не были готовы к повышению своих собственных сложностей и разнообразий на основе использования цифрового пространства, что было справед-

ливо и для России того периода, когда интернет-пространство было «свободным» и в нем доминировала либеральная и оппозиционная повестка, а само интернет-пространство практически не контролировалось государством). В результате мы стали свидетелями процессов стремительного формирования систем цифрового контроля и регулирования Интернет-пространства со стороны государств (появление профильных надзорных служб), блокировки ресурсов с альтернативными идеологиями, ограничения возможностей общественно-политической коммуникации (в первую очередь определяемых на законодательном уровне). Получили ли мы свободный Интернет или, как оптимистично писали о нем эксперты, пространство глобального демократического транзита? Нам представляется, что ответ на данный вопрос является очевидным образом отрицательным. Более того, Интернет постепенно превращается не только в контролируемое государствами, но и манипулятивное пространство, где между прогосударственными агентами (как внешними, так и внутренними) развернулась масштабная «битва за умы» граждан. При этом внешние агенты нацелены на внесение при помощи современных цифровых информационно-коммуникационных технологий разнообразия и сложности в общественные системы «государств-мишеней», являющихся геополитическими противниками (альтернативные идеологии, ценности, смыслы, символы, модели массового общественно-политического поведения), рассчитывая на социально-политическую дестабилизацию в «государствах-мишенях», аналогичную «цветным переворотам», и потерю управляемости со стороны государственных институтов власти в силу роста разнообразия и сложности общества (в данном случае идеологического, ценностно-смыслового). В это же

время государства внутри собственных национальных сегментов цифрового пространства стремятся снизить, ограничить сложность и разнообразие общества как управляемой системы, используя цифровые инструменты коммуникации для поддержания единообразия (сохранения традиционных ценностно-смысловых и идеологических пространств), а также формируя системы цифрового контроля за национальными сегментами Интернета для подавления нежелательных «всплесков» разнообразия и обеспечения доминирования единой прогосударственной повестки и идеологии. В качестве примера можно привести деплатформизацию экс-президента США Дональда Трампа после победы кандидата от Демократической партии Джо Байдена. Стремясь обеспечить доминирование «демократических идей» победителей, лояльные им глобальные цифровые платформы блокировали аккаунты Трампа, лишив его возможности выражать свою позицию и точку зрения на происходящие в США общественно-политические процессы, то есть запретили ему вносить разнообразие в американскую информационную повестку, транслировать альтернативные политические идеи.

Справедливости ради необходимо отметить, что государства как системы управления не используют исключительно сценарий ограничения разнообразия управляемых систем – обществ. В реальной практике мы можем наблюдать и реализацию сценариев увеличения собственного разнообразия. Применительно к цифровой среде данные сценарии реализуются путем освоения и присвоения государствами цифровых технологий, для чего во многих случаях используются потенциалы глобальных технологических компаний, которые начинают функционировать с учетом интересов своих государств. По сути, мы можем гово-

речь о появлении своего рода гибридных политико-технологических режимов, в которых роль технологических компаний неуклонно растет, а сами технологические компании становятся новыми субъектами современной политики. Безусловно, за счет такой гибридизации разнообразие управляющей системы существенно возрастает.

Таким образом, по сути, происходит присвоение цифрового потенциала (а следовательно, и увеличение собственного разнообразия) самими государствами, а разворачивающиеся в цифровом пространстве различного рода информационные войны происходят между государствами как системами управления. Обыватель становится лишь объектом, на который направлено цифровое информационно-коммуникационное воздействие, объектом, на который направлены процессы контроля, регулирования и надзора в цифровой среде, необходимые для ограничения разнообразия управляемой общественной системы. А само интернет-пространство из глобального трансформировалось в совокупность национальных сегментов, каждый из которых стремится контролировать то или иное государство.

Можем ли мы в подобных обстоятельствах говорить о каких-либо существенных изменениях принципов управления применительно к дихотомии «государство – общество»? Какие принципиально новые по своей сути содержательные изменения привнесли в актуальную практику управления цифровые технологии? Скорее, наоборот: на настоящий момент цифровые технологии лишь укрепили потенциал государственных систем управления, предоставив дополнительные возможности влияния, наблюдения, контроля за гражданами, а также совершения деструктивных действий по отношению к другим государствам, являющим-

ся геополитическими оппонентами или врагами. Развитие же технологий искусственного интеллекта позволяет осуществлять автоматизированное влияние, наблюдение и контроль за собственным населением, а также деструктивные действия в отношении других стран (например, при помощи технологий вычислительной пропаганды с использованием цифровых актантов, функционирующих на основе ИИ), тем самым расширяя возможности по ограничению разнообразия управляемых систем-обществ внутри своих стран и, наоборот, внешней инъекции разнообразия в управляемые системы-общества «стран-мишеней».

Цифровой Паноптикум

Говоря об осуществлении государствами контроля за собственными гражданами с использованием современных цифровых технологий и искусственного интеллекта, необходимо рассмотреть в рамках нашей исследовательской логики и концепт Паноптикума, предложенный в XVIII в. английским философом Иеремией Бентамом. Как известно, Паноптикум, по Бентаму, представляет из себя тюрьму, позволяющую единственному надзирателю наблюдать за всеми заключенными, или же, другими словами, в более общем смысле, – систему наблюдения за большим числом людей. Концепция Паноптикума также была развита и в работе Мишеля Фуко [Фуко, 2022], в которой он показал, что Паноптикум формирует прозрачную социальную реальность, при этом надзирающая за людьми власть становится невидимой, власть не карает, она контролирует, наблюдает, надзирает, но эти процессы являются для общества невидимыми.

В наше время ряд исследователей пишет уже о цифровом Паноптикуме, ос-

нованном на применении современных цифровых технологий. Существуют ли принципиальные содержательные различия между концепциями Бентама и Фуко с одной стороны, и концепцией цифрового Паноптикума – с другой? Нам представляется, что речь может идти только о технологических различиях, но природа и функции Паноптикума остаются прежними – слежение в невидимом режиме со стороны единственного надзирателя – государственной системы управления, обладающей необходимыми технологиями контроля и надзора за управляемой системой. Различия заключаются, по нашему мнению, лишь в технологических уровнях реализации проектов. На сегодняшний день технологии *Big Data* позволяют формировать массивы «цифровых следов» граждан, оставляемых ими в интернет-пространстве при осуществлении любой цифровой активности. Технологии обработки и анализа больших данных, а также технологии предиктивной аналитики позволяют не только осуществлять наблюдение за каждым представителем общества, но и успешно оценивать его состояние, готовность к протестной деятельности, создавать достаточно точные прогнозы общественно-политической динамики, что расширяет разнообразие государств как управляющих систем и позволяет им эффективно реализовывать управленческую деятельность в своих интересах.

Неслучайно одной из знаковых работ последнего времени стал труд профессора Гарвардского университета Шосанны Зубофф, в котором она продемонстрировала скрытые от обывателя цифровые технологии слежения [Зубофф, 2022]. В свою очередь, появление и развитие технологий искусственного интеллекта позволяет перевести такую работу по сбору, обработке, анализу информации из «циф-

ровых следов» и созданию точных прогнозов в интересах управляющей системы уже на новый качественный уровень [Володенков, 2024], где не нужен сам надзиратель – искусственный интеллект в автоматическом режиме способен функционально заместить классического надзирателя Бентама, определить неблагонадежных граждан, а также осуществлять в соответствии с заложенным алгоритмом применение цифровых санкций в их отношении (блокировку аккаунтов в пространстве социальных медиа, блокировку цифровых счетов и транзакций, ограничение доступа к цифровым ресурсам и т. д.).

Более того, тюрьма как таковая уже не нужна. Достаточно осуществить цифровую депривацию индивида или группы лиц (блокировку банковских карт, счетов, номера телефона, электронной почты, аккаунта в системе дистанционного электронного голосования, доступа к публичным цифровым ресурсам, доступа к входу в учреждения, в которых используются автоматические пропускные системы, основанные на распознавании биометрии, доступа в транспорт и др.), и индивид оказывается уже в своего рода цифровой тюрьме, будучи лишенным в эпоху глобальной цифровизации доступа к жизненно важным цифровым ресурсам и отрезанным от реального мира при помощи «мягкого» использования цифровых технологий. И всё это возможно осуществлять в автоматическом режиме при помощи алгоритмов искусственного интеллекта.

По сути, мы можем говорить уже не о цифровом Паноптикуме, но о его новой, технологически более совершенной версии – *алгоритмическом Паноптикуме*, где лишение свободы осуществляется по иным правилам, но это по-прежнему лишение свободы. Наблюдение, надзор, слежение и контроль осуществляются на иной

технологической основе, но по-прежнему это всё те же наблюдение, надзор, слежение и контроль, как и в классической версии концепции. В таком случае в системе взаимодействий «государство – общество» государство становится высокотехнологичным невидимым диктатором-тюремщиком, а общество – подчиненным объектом слежения и контроля, заключенным в невидимые рамки дозволенного.

Таким образом, мы можем констатировать, что современные процессы цифровизации не влияют на суть и содержательные характеристики классической концепции Бентама, изменяют лишь технологический уровень ее реализации.

Цифровые «пещеры Платона»

Говоря о Паноптикуме, контроле над индивидами и группами людей, необходимо указать на тот факт, что, помимо контроля над поведением индивидов и групп людей, управляющие системы также стремятся осуществлять контроль над информационным пространством, теми источниками информации, из которых объект управления получает объяснительный контент относительно окружающей его реальности. Связано это прежде всего с тем обстоятельством, что, по мнению многих ученых, наши представления о мире непосредственным образом программируют наши поведенческие модели [Thomas, 1974]. Соответственно, для успешного контроля над поведением управляющей системе необходимо обеспечить и соответствующий контроль над информационно-коммуникационной системой.

Подобная деятельность осуществляется на протяжении многих веков, с момента появления первых систем общественно-политического управления. Каждое государство всегда стремилось

стать монопольным поставщиком информации и обеспечить себе доминирование в публичном пространстве, контролируя процессы генерации и трансляции объяснительных моделей реальности в массовое сознание, создавая однообразие идеологий, ценностей, смыслов, исторической правды в рамках подконтрольных ему территорий. Утрата контроля над каналами коммуникации, как демонстрирует история, всегда сопровождалась социально-политическими потрясениями, приводила к утрате власти со стороны правящего класса за счет появления нового идейного и ценностно-смыслового разнообразия управляемой системы.

Такая важная роль информационно-коммуникационных ресурсов определяется ключевым значением информации и коммуникации для построения объяснительных моделей реальности и формирования массовых представлений о ней путем трансляции при помощи коммуникационных технологий в массовое сознание.

Еще Платон указывал на то обстоятельство, что человек ограничен в получении непосредственной информации о мире и не познает реальность напрямую, но лишь через образы – тени на стене пещеры. «Платоновская пещера», или аллегория пещеры, – это метафора, предложенная Платоном в его труде «Государство». Она иллюстрирует идею иллюзорного восприятия реальности и трудности перехода к истинному знанию. Аллегория описывает группу людей, которые с детства прикованы к стене в пещере и могут видеть только тени от предметов, отбрасываемые на стену огнем, находящимся позади них: «С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков» [Платон, 2015, с. 239]. Для этих

людей тени являются единственной доступной им реальностью, они не знают о существовании внешнего мира. Когда один из узников выходит из пещеры, он открывает настоящий мир. Однако, когда он возвращается в пещеру и пытается рассказать о реальном мире, его рассказ вызывает лишь недоверие, так как люди не способны понять или принять то, что выходит за пределы их привычного восприятия.

Таким образом, «платоновская пещера» символизирует ограниченное восприятие реальности. Данная аллегория подчеркивает, что людям, привыкшим к иллюзорным представлениям, трудно принять истину и отказаться от своего субъективного восприятия реальности, которое выступает для них истинным.

Данная позиция была в дальнейшем поддержана и развита многими учеными и специалистами. Так, У. Липпман в своей работе указывал на то, что реальный мир «находится за пределами досягаемости, видимости и за пределами сознания» [Липпман, 2004, с. 49]. И остается лишь одна возможность составить свое представление о мире – при помощи информации. Как в связи с этим пишет Ф. Уэбстер, «мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация, напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией» [Уэбстер, 2004, с. 331].

Таким образом, возможности непосредственного познания мира обывателем, по мнению многих ученых, весьма ограничены. И базовые представления об окружающей реальности человек конструирует при помощи информационно-коммуникационных потоков, создавая при их помощи свою субъективную реальность, которая ощущается им как истинная. обстоятельства постижения социально-политической реальности посредством медиаресурсов и каналов массовой коммуникации

являются определяющими при восприятии массовым сознанием социально-политических явлений, событий и процессов, оставляя обстоятельства их существования в пространстве кантовских ноуменов.

Очевидно, что в подобных обстоятельствах система управления заинтересована в контроле над информационно-коммуникационным пространством, наполняет его выгодными объяснительными моделями реальности, служащими в дальнейшем основой для выработки соответствующих выгодных моделей поведения объекта управления. В случае же проявления нежелательных «отклонений» от требуемых массовых представлений управляющая система немедленно включит «тотальную мобилизацию всех средств массовой информации для защиты существующей действительности» [Маркузе, 2002, с. 88].

Но изменилось ли что-то в этой связи с появлением новых цифровых информационно-коммуникационных технологий? Отвечая на этот вопрос, известный российский философ В.В. Миронов писал следующее: «Современный человек также прикован, пусть и не железными цепями, к новостным лентам, сконструированным образам и часто не способен, да и не особо желает понять, что реальность от этих конструкций может отличаться. Современная «пещера» – это пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальности, но не менее реальной прикованности выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и от которых всё в большей степени зависит, значительно ограничивая, между прочим, свою внутреннюю свободу. По сути, сознание человека становится предметом компьютерной симуляции» [Миронов, 2019, с. 14], «...человек видит уже не просто тени как отражения

реальных объектов, а созданные современными технологиями образы, которые трудно отличить от реальности» [Миронов, 2019, с. 13].

То есть человек по-прежнему остается в мире теней, только теперь теней цифровых. А стену пещеры заменяет экран смартфона, планшета, компьютера. Таким образом, современные люди, живущие в технологически развитых государствах, в своем большинстве – это «люди, погруженные в мир теней, причем прикованные к нему даже не кем-то сознательно, а только собственной привязанностью к виртуальному миру в смартфоне» [Миронов, 2019, с. 13].

Вновь мы можем говорить о технологических, но не принципиальных содержательных различиях между «пещерой Платона» и современными «цифровыми пещерами», к контролю над которыми стремятся управляющие системы – государства.

Меняются лишь технологии доставки объяснительного контента, которые стали экстерриториальными (то есть национальные «цифровые пещеры» подвержены внешнему информационно-коммуникационному влиянию управляющих систем-оппонентов), мультимедийными (что позволяет на основе использования разнообразных типов контента более эффективно выстраивать яркие объяснительные модели реальности для масс, используя для построения «цифровых теней» разнообразные типы контента), таргетированными (объяснительные модели выстраиваются и транслируются с учетом индивидуальных и групповых особенностей и предпочтений индивидов и групп людей, что обеспечивает более высокий уровень «усвоения» контента), оперативными (что позволяет своевременно доставлять контент потребителю информации). Но принцип сохраняется тот же самый – человек познает реальность на основе имеющейся

у него информации, а субъективные представления оказываются более истинными для человека, чем объективные факты. Как в связи с этим писал Фридрих Ницше, «фактов не существует» [Ницше, 2005, с. 281].

На протяжении многих веков для массового сознания не существовало выхода из пещер и миров теней, конструировавшихся при помощи различных видов медиа. Цифровые технологии также не дали такого рода выхода. Как справедливо заметил Никлас Луман, «мы сопротивляемся воздействию медиа, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из масс-медиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [Луман, 2005, с. 8]. В свою очередь Майкл Паренти также обращает наше внимание на то обстоятельство, что «СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [Паренти, 1990]. И цифровые СМИ не являются исключением из правила.

Строго говоря, подобная изолированность масс от реального мира приводит к тому, что роль их субъективных представлений становится определяющей и в реальном мире. Как мы уже отмечали, субъективные представления программируют вполне реальное поведение, включая общественно-политическое, социальное, экономическое, что безусловно имеет самые прямые последствия для изменений в реальном мире.

Так, например, по нашему глубокому убеждению, в большинстве слу-

чаев граждане голосуют не за кандидата, но лишь за свое представление о нем. Протестующие выходят на улицы не против конкретных политиков, но против своих представлений о них. В экономической сфере потребители выбирают не столько сами товары, сколько основываются на своих представлениях о них, сформированных при помощи рекламы. Иными словами, мы можем выдвинуть тезис о том, *что мы голосуем за «тени», потребляем «тени», ненавидим «тени»* и т. д. В данном случае мы понимаем под «тенями» любые события, явления, процессы, организации, личности, прямого опыта взаимодействия с которыми у носителя субъективных представлений не было.

Что касается применения данного тезиса к политической сфере, то уже до нас подобные идеи выдвигал Маршалл Маклюэн, отмечавший, что «в конце концов, живых политиков окончательно вытеснят их образы в СМИ. И первым останется только благодарить вторых за свое изгнание из эфира, поскольку зажившие своей жизнью образы в масс-медиа смогут сделать столько, сколько политику-человеку и не снилось» [Маклюэн, 2007, с. 315]. И данный тезис нашел свое воплощение с приходом в политику цифровых технологий.

Уже сегодня в реальной практике политических коммуникаций мы наблюдаем активное применение цифровых двойников политиков, выполняющих традиционную роль самого политика в его взаимодействиях с целевыми электоральными аудиториями. Так, например, в 2022 г. в ходе выборов президента Южной Кореи кандидат от консервативной партии «Сила народа» Юн Сок Ёль использовал своего цифрового двойника для взаимодействия со своей электоральной аудиторией в цифровом пространстве. Только

за первые дни запуска проекта с цифровым двойником пообщались более 7 млн избирателей. Нам представляется, что в итоговую победу Юн Сок Ёля его цифровой двойник смог внести определенный и вполне весомый вклад. Существуют и иные кейсы применения цифровых технологий, позволяющих заместить реального политика его цифровым образом. Так, кандидат в президенты Франции Жан-Люк Меланшон, президент Турции Реджеп Эрдоган, премьер-министр Индии Нарендра Моди и многие другие активно используют в своей публичной деятельности своих цифровых двойников на уровне политических голограмм.

Но меняет ли принципиально использование цифровых технологий сам принцип голосования за свои представления, а не за реального политика? Если раньше представления формировались при помощи традиционных средств массовой коммуникации, то сегодня мы вновь имеем дело лишь с изменением технологий формирования представлений – переходом на цифровой уровень. Однако сам принцип остается неизменным – *субъективные представления, сформированные информационно-коммуникационным способом, являются, как и прежде, более истинными для их носителей, чем объективная действительность.*

В связи с этим еще Зигмунд Фрейд указывал, рассуждая о массах, что «ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным» [Фрейд, 2016, с. 18]. Как мы показали в другой своей работе, «массовому человеку доступна лишь кем-то сконструированная медиакартина мира, и эта картина является основой управления обществом, не готовым к саморефлексии и критическому восприятию предлагаемых ему медийных версий реальности» [Володенков, 2020, с. 54].

Таким образом, «цифровые пещеры» не имеют принципиальных различий с «пещерами Платона». Задачей управляющих систем по-прежнему является поддержание существующих в их интересах цензурированных «пещер», защита таких «пещер» от внешнего вторжения и внутреннего разрушения, а управляемые системы традиционно оторваны от реальности и довольствуются красочными тенями на стенах, не претендуя на постижение истины. И даже если им будет представлена объективная информация о реальном мире – она будет отвергнута как недостоверная. Ведь как заметил еще Гюстав Лебон, «толпа никогда не стремится к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее» [Лебон, 2024]. Более того, по мнению Лебона, «главным фактором эволюции народов никогда не была истина, но всегда заблуждение» [Лебон, 2024]. Зигмунд Фрейд имел схожие представления по поводу стремления масс познать истину: «Массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться» [Фрейд, 2016, с. 18].

Более того, появились новые способы формирования подобных «цифровых пещер», недоступные ранее, в доцифровую эпоху. Речь идет в первую очередь об эхо-камерах, пузырях фильтров и информационных капсулах, которые по своей сути представляют такие же «цифровые пещеры» в интернет-пространстве.

Так, эхо-камеры представляют из себя информационную среду, в которой люди получают подтверждение своих существующих убеждений и мнений через повторение и усиление этих убеждений другими участниками той же среды. Эхо-камеры формиру-

ются через алгоритмы социальных сетей и других медиа-платформ, которые показывают пользователям контент, соответствующий их предпочтениям и взглядам [Sunstein, 2004]. В эхо-камерах пользователи получают информацию, подтверждающую их существующие убеждения, что закрепляет существующие мнения и ведет к желаемому системами управления снижению разнообразия мнений.

В свою очередь, «пузыри фильтров» описывают ситуации, когда интернет-пользователи получают ограниченный доступ к информации благодаря алгоритмам персонализации, которые отбирают контент на основе пользовательских предпочтений и поведения в сети [Pariser, 2011]. Эти алгоритмы, используемые социальными сетями, поисковыми системами и другими онлайн-платформами, создают так называемый «пузырь» – замкнутую информационную среду, где пользователю демонстрируется только та информация, которая соответствует его интересам и взглядам. Пользователи видят только тот контент, который согласуется с их текущими интересами, предпочтениями и убеждениями. В силу влияния «пузырей» фильтров люди меньше сталкиваются с альтернативными точками зрения и мнениями, которые скрываются, фильтруются для недопущения увеличения разнообразия существующих картин мира. По сути, речь идет о классической цензуре, но уже на новом технологическом уровне.

Наконец, в рамках введенной нами в научный оборот концепции информационных капсул под ними подразумеваются отдельные и автономные фрагменты информационного пространства, которые содержат определенный набор данных, знаний или сообщений [Володенков, Артамонова, 2020]. Эти капсулы могут

иметь как позитивный, так и негативный характер, могут варьироваться по размеру и значимости. Информационные капсулы формируются через процессы селекции и агрегирования информации, что позволяет им быть компактными и легко усваиваемыми. Информационные капсулы не статичны; они могут эволюционировать, трансформироваться и взаимодействовать с другими капсулами. Это взаимодействие может приводить к изменению содержания, усилению или ослаблению их воздействия на общество.

Информационные капсулы ориентированы на создание и распространение конкретных сообщений или наборов информации, которые должны воздействовать на определенную аудиторию, в то время как эхо-камеры формируются естественным образом через алгоритмическую фильтрацию контента и основаны на существующих предпочтениях пользователей, а их основная цель – подтверждение существующих пользовательских убеждений, что приводит к их усилению и закреплению в сознании. Хотя и информационные капсулы, и эхо-камеры являются инструментами распространения информации и ее воздействия на массовое сознание, они отличаются по своей природе, механизмам формирования и целям. Информационные капсулы являются целенаправленными инструментами коммуникации, тогда как эхо-камеры представляют собой среды, где существующие убеждения пользователей усиливаются и подтверждаются.

И вновь, как мы можем заметить, цифровые технологии позволили создать новые инструменты и механики для работы с массовым сознанием, однако принципиальных содержательных различий с «пещерами Платона» мы усмотреть не можем.

Выводы

Подводя итоги данной работы, мы можем сделать основной вывод, заключающийся в том, что современные цифровые трансформации по многим «старым» вопросам не дали каких-либо принципиально новых в содержательном аспекте ответов. Сегодня мы можем говорить о подтверждении актуальности концепции гегелевской спирали развития уже на новом, цифровом технологическом витке.

На наш взгляд, оптимистичные и даже в чем-то наивные прогнозы и сценарии, связанные с глобальной цифровизацией человеческой цивилизации, оказались во многом несостоятельными. На сегодняшний день, по нашему мнению, происходит присвоение цифровых технологий традиционными системами управления в собственных интересах, но сами системы отношений, включая общественно-политические, остаются во многом неизменными, как и сам человек.

Безусловно, цифровые технологии позволяют сегодня создавать новые управленческие дизайны и на иных уровнях решать традиционные «старые» вопросы в ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества. Но если мы отвлечемся от технологического уровня и посмотрим на содержательные аспекты цифровых решений, то они во многом сходны с уже имеющимися традиционными ответами и решениями, которые и сегодня сохраняют свою актуальность.

В данной работе мы предприняли попытку показать, что один из базовых кибернетических законов (закон необходимого разнообразия Эшби) по-прежнему может служить для эффективного объяснения деятельности современных систем управления, функционирующих уже на основе применения современных цифровых тех-

нологий. Традиционные точки зрения на массовое сознание, его роль в формировании моделей поведения, на информационно-коммуникационную основу формирования картин мира и массовых представлений о реальности также не претерпевают каких-либо принципиальных изменений в условиях цифровизации.

Безусловно, цифровые технологические трансформации на современном этапе развития человечества создают определенный потенциал для изменений в традиционных сферах жизнедеятельности государства и общества, однако фундаментальные характеристики государств, обществ, людей, а также ключевые цели и принципы организации процессов взаимодействия между ними остаются, по нашему глубокому убеждению, прежними.

Нам представляется, что «пещеры Платона», Паноптикум Бенгама, закон необходимого разнообразия Эшби и многие другие классические концепции и модели общественно-политического развития будут еще долгое время сохранять свою актуальность даже в условиях цифровых технологических преобразований человеческой цивилизации.

Список литературы

Володенков С.В. Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // Диалог со временем. – 2020. – № 71. – С. 49–56. – DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587.

Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского университета. Сер. 12 : Политические науки. – 2024. – № 2. – С. 47–70. – DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70.

Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – Т. 53, № 1. – С. 188–196. – DOI: 10.17223/1998863X/53/20.

Государственная политика как объект современных научных исследований / Якунин В.И. [и др.]. – *PREPRINTS.RU*. – 2024. – DOI: 10.24108/preprints-3113129.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

Лебон Г. Психология народов и масс. – Москва : АСТ, 2024. – 320 с.

Липпман У. Общественное мнение. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

Луман Н. Реальность массмедиа. – Москва : Праксис, 2005. – 256 с.

Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. – Москва : Гиперборея; Кучково поле, 2007. – 464 с.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – Москва : АСТ, 2002. – 526 с.

Мионов В.В. Платон и современная пещера *big-data* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 1. – С. 4–24. – DOI: 10.21638/srbu17.2019.101.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – Москва : Культурная революция, 2005. – 880 с.

Паренти М. Демократия для немногих. – Москва : Прогресс, 1990. – 504 с.

Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова; вступ. ст. Е.Н. Трубецкого; коммент. В.Ф. Асмуса; примеч.

А.А. Тахо-Годи. – Москва : Академический проект, 2015. – 398 с.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 96 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – Москва : Ад Маргинем, 2022. – 384 с.

Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ.; под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – Москва : Праксис, 2004. – 440 с.

Ashby W.R. Introduction to Cybernetics. – London : Chapman & Hall, 1956. – 295 p.

Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York : Penguin Press, 2011. – 294 pp.

Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. – Vol. 47, N 12. – P. 57–59. – DOI: 10.1145/1035134.1035166.

Thomas W.I. Sex and Society: Studies in the Social Psychology of Sex. (Reprint Edition) (Perspectives in social inquiry). – New York : Arno Press, 1974. – 325 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Revisiting ‘Old Questions’: Perspectives amid Contemporary Digital Transformations

Sergey V. VOLODENKOV

Dr. Sc. (Political Sciences), Professor of the Public Policy Department

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovsky Avenue, 27, Building 4, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

CITATION: Volodenkov S.V. (2024). Revisiting ‘Old Questions’: Perspectives amid Contemporary Digital Transformations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 27–43 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Received: 04.10.2024.

Revised: 11.11.2024.

ACKNOWLEDGMENT. This research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

ABSTRACT. *The aim of this work is to define fundamentally new, substantive answers to traditional questions that have challenged scientists for centuries within the context of contemporary digital transformations. The central research question focuses on the fundamental reinterpretation of “old” questions in a changed world. The paper explores W.R. Ashby’s law of requisite variety, the concept of the Panopticron by J. Bentham and M. Foucault, and Plato’s allegory of the cave, assessing their relevance and applicability to contemporary conditions of state and societal functioning in a new technological stage of digital development. This study demonstrates that digital technological transformations fail to generate fundamentally novel substantive frameworks for interpreting the processes occurring in critical spheres of state and societal dy-*

namics. Instead, the enduring relevance of established classical theories, conceptual paradigms, systemic laws governing state administration, and foundational principles of interaction between the state and society remain evident. Traditional ideas about mass consciousness – its role in shaping behavioral patterns and the information and communication foundation for constructing worldviews and mass perceptions of reality – do not undergo fundamental changes within the context of digitalization. Rather, they align seamlessly with existing traditional concepts and approaches. The results of the study indicate that the substantive aspects of digital solutions to “old” questions largely correspond to existing traditional answers and solutions, which retain a high explanatory potential even in the contemporary era.

KEYWORDS: *digital technological transformations, control system, law of requisite variety, digital Panopticon, Plato's allegory of the cave, collective consciousness.*

References

- Ashby W.R. (1956). *Introduction to Cybernetics*. London: Chapman & Hall, 295 pp.
- Foucault M. (2022). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem, 384 pp. (in Russian).
- Freud S. (2016). *The Psychology of the Masses and Ego Analysis*. Moscow: Publishing house "E", 96 pp. (in Russian).
- Hardt M., Negri A. (2004). *Empire*. Moscow: Praxis, 440 pp. (in Russian).
- Gosudarstvennaya politika... (2024). Yakunin V.I. et al. Public policy as an object of contemporary scientific research. *PREPRINTS.RU* (in Russian). DOI: 10.24108/preprints-3113129.
- Le Bon G. (2024). *Psychology of Peoples and Masses*. Moscow: AST, 320 pp. (in Russian).
- Lippman W. (2004). *Public Opinion*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 384 pp. (in Russian).
- Luhmann N. (2005). *The Reality of the Mass Media*. Moscow: Praxis, 256 pp. (in Russian).
- Marcuse H. (2002). *One Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow: AST, 526 pp. (in Russian).
- McLuhan M. (2007). *Understanding Media: External Extensions of Man*. Moscow: Hyperborea; Kuchkovo Pole, 464 pp. (in Russian).
- Mironov V.V. (2019). Plato and the modern cave of big data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 35, issue 1, pp. 4–24 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2019.101.
- Nietzsche F. (2005). *The Will to Power. An Experience of Revaluation of All Values*. Moscow: Cultural Revolution, 880 pp. (in Russian).
- Parenti M. (1990). *Democracy for the Few*. Moscow: Progress, 504 pp. (in Russian).
- Pariser E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press, 294 pp.
- Plato (2015). *State*. Moscow: Academic project, 398 pp. (in Russian).
- Sunstein C.R. (2004). Democracy and filtering. *Communications of the ACM*. Vol. 47, no. 12, pp. 57–59. DOI: 10.1145/1035134.1035166.
- Thomas W.I. (1974). *Sex and Society: Studies in the Social Psychology of Sex*. (Reprint edition). New York: Arno Press, 325 pp.
- Volodenkov S.V. (2020). One-dimensional society 3.0: from H. Marcuse to the digital world of the 21st century. *Dialogue with Time*. No. 71, pp. 49–56 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587.
- Volodenkov S.V. (2024). Digital actors and computational propaganda as tools for influencing mass consciousness in the context of global technological transformations. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 2, pp. 47–70 (in Russian). DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70.
- Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. (2020). Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Vol. 53, no. 1, pp. 188–196 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/20.
- Webster F. (2004). *Theories of the Information Society*. Moscow: Aspect Press, 400 pp. (in Russian).
- Zuboff Sh. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 784 pp. (in Russian).